

СТРЕЛЬНА ТРЕПЕЩЕТ¹

Григорий Белых, Алексей Пантелеев

1

Из повести
«Республика ШКИД»

Первое мая.

Маленькую республику захлестнул поток звуков, знамён, людей и солнца.

С утра вокруг стен Шкиды беспрестанно перекачивались волны демонстрантов.

Никогда ещё шкидцы не были так возбуждены. Они столпились у раскрытых окон и кричали демонстрантам «ура». Они сами хотели быть там и шагать рядами на площадь, но в этом году детей в демонстрацию почему-то не допустили.

Весна улыбалась первым маем. Первый май улыбался сайками. Белыми, давно не виданными сайками.

Их раздавали за утренним чаем. За обедом Викниксор сказал речь о празднике, потом шкидцы пели «Интернационал».

Вечером все от младшего до старшего ходили в город, смотрели иллюминацию, слушали музыку и толкались, довольные, в повеселевшей праздничной толпе.

Шкидцы радостно встретили весну, а ещё радостней им стало, когда узнали, что губоно разыскало для своих питомцев дачу.

Когда окончательно стало известно, что для ребят отвоёвана дача где-то в Стрельне и что пора переезжать, вся Шкида высыпала на улицу и наполнила её воплем и гамом.

Переезжать нужно было трамвайным путём.

С утра мобилизованы были все силы.

Воспитанники вязали тюки белья, свёртывали матрацы и переносили вниз кровати.

Ребята с рвением взялись за дело. Даже самые крохотные первоотделенцы прониклись важностью момента и работали не хуже больших.

— Эй, ты! — кричал маленький пузыреподобный Тырновский на своего товарища. — Куда край-то заносишь? Левей, левей. А то не пролезешь.

Они несли койку.

Внизу укладкой вещей занимались Янкель, Цыган и Япошка, а вместе с ними был граф Косецкий.

Граф Косецкий — халдей, но его молодость и чисто товарищеское отношение к ребятам сблизили с ним шкидцев. Графом Косецким его звали за спиной. Он был ко-сым, отсюда и пошла эта кличка.

Завоевал Косецкий доверие у старших с первого дня.

Вот как это получилось.

Косецкий только что явился в школу и вечером стал знакомиться с учениками.

Сидели в классе. Косецкий долго распространялся о том, что он хороший физик и что он будет вести практические занятия.

— Это хорошо! — воскликнул в восторге Японец. — А у нас физических пособий до чёрта. Вон целый шкаф стоит.

С этими словами он указал на шкаф, приютившийся в углу класса.

— Где? Покажите, — оживился Косецкий. Глаза его заблестели, и он кинулся к шкафу.

— Да он закрыт.

— Не трогайте, Афанасий Владимирович! Витя запретил его трогать!

Ребята сами испугались поведения Косецкого, а он, беспечно улыбаясь, говорил:

— Чёрт с ним, что ваш Витя запретил, а мы откроем и посмотрим.

— Не надо!

— Попадёт, запоремся!
Однако Косецкий отвинтил перочинным ножиком скобу и, не тронув висячего замка, открыл шкаф.

Он вытащил динамо и стал с увлечением объяснять его действие.

В школе царила полная тишина.

Младшие классы уже спали, и только маленькая группа старшеклассников бодрствовала.

Ребята слушали объяснения, но сами тревожно насторожились, подстерегая малейший шорох.

Вдруг на лестнице стукнула дверь.

— Прячьтесь! Викниксор!

— Прячьтесь!

Динамо боком швырнули в шкаф, прикрыли дверь, едва успели всунуть винты и отскочили.

В класс вошёл Викниксор.

Он делал свой очередной обход.

— А, вы ещё здесь?

— Да, Виктор Николаевич. Договариваемся о завтрашних занятиях. Сейчас пойдём спать.

— Пора, пора, ребята.

Викниксор походил несколько минут по комнате, почесал за ухом, попробовал пальцем пыль на партах и подошёл спокойно к шкафу.

Ребята замерли.

Взоры тревожно впились в пальцы Викниксора, а тот пощупал машинально замок — и, по близорукости не разглядев до половины торчащих винтов, вышел.

Вздых облегчения вырвался сразу у всех из груди.

— Пронесло!

Потом, когда уже улеглись в кровати, Цыган долго восторгался:

— Ну и смелый этот Косецкий. Я — и то сдрейфил, а ему хоть бы хны.

После этого случая Косецкий прочно завоевал себе доверие среди старших и даже сошёлся с ними близко, перейдя почти на товарищеские отношения.

И вот теперь он вместе с ребятами весело занимался упаковкой вещей. В минуты перерыва компания садилась на ступеньки парадной лестницы и задирала прохожих.

— Осторожней, гражданин. Здесь лужа.

— Эй, торговка, опять с лепёшками вышла. Марш, а не то в милицию сведём! — покрикивал Цыган.

Косецкий сидел в стороне и насвистывал какой-то вальс, блаженно жмурясь на солнце.

Наконец там, наверху, в школе, все успокоились. Вещи, необходимые на даче, были перетащены вниз, дожидались только трамвая.

Прождали целый день. Викниксор звонил куда-то по телефону, ругался, но платформу и вагон подали лишь поздно вечером, когда в городе уже прекратилось трамвайное движение.

Спешно погрузились, потом расселись по вагону, и республика Шкид тронулась на новые места.

У Нарвских ворот переменили моторный вагон с дугой на маленький пригородный вагончик с роликом. Места в этом вагончике всем не хватило, и часть ребят перелезла на платформу.

Зажурчали колёса, скрипнули рельсы, и снова понеслись вагоны, увозя стадо молодых шпаргонцев.

На платформе устроились коммунакой старшие. Сидели и под тихий свист ролика следили за убегающими деревянными домиками заставы.

Уже проехали последнее строение на окраине города, некогда носившее громкое и загадочное название «Красный кабачок», и помчались среди зеленеющих полей.

Трамвай равномерно подпрыгивал на скрепах и летел всё дальше без остановок.

Шкидцам стало хорошо-хорошо, захотелось петь. Постепенно смолк смех, и вот под ровный гул движения кто-то затянул:

Высоко над нивами птички поют,
И солнце их светом ласкает,
А я горемыкой на свет родился
И ласк материнских не знаю.

Пел Воробей. Песенка, грустная, тихая, тягучая, вплелась в мерный рокот колёс.

Сердитый и злобный, раз дворник меня
Нашёл под забором зимою,
В приют приволок меня, злобно кляня,
И стал я приютскою крысой.

Медленно-медленно плывёт мотив, и вот уже к Воробью присоединился Янкель, сразу как-то притихший. Ему вторит Цыган.

Влажный туман наползает с поля. А трамвай всё идёт по прямым, затуманившимся рельсам, и остаются где-то сзади обрывки песни.

Я ласк материнских с рожденья не знал,
В приюте меня не любили,
И часто смеялись все надо мной,
И часто тайком колотили.

Притихли ребята. Даже Япончик, неугомонный бузила Япончик, притаился в уголке платформы и тоже, хоть и фальшиво, но старательно подтягивает.

Летят поля за низеньким бортом платформы, изредка мелькнёт огонёк в домике, и опять ширь и туман.

Уж лето настало, цветы зацвели,
И птицы в полях запели.
А мне умереть без любви суждено
В приютской больничной постели.

Вдруг надоело скучать. Янкель вскочил и заорал диким голосом, обрывая тихий тенорок Воробья:

Солнце светит высоко,
А в канаве глубоко,
Всё течёт парное молоко-о-о...

Сразу десяток глоток подхватил и заглушил шум трамвая. Дикий рёв разорвал воздух и понёсся скачками в разные стороны — к полю, к дачам, к лесу.

Сахар стали все кусать,
Хлеб кусманами бросать
И не стали корочек соса-а-ать...

— Вот это да!
— Вот это дёрнули. По-шкидски, по крайней мере!
Вагоны, замедляя ход, пошли в гору.
С площадки моторного что-то кричала Эланлюм, но ребята не слышали.
Её рыжие волосы трепались по ветру, она отчаянно жестикулировала, но ветер относил слова в сторону. Наконец ребята поняли.
Скоро Стрельна.
После подъёма Янкель вдруг вытянул шею, вскочил и дико заорал:
— Монастырь! Ребятки, монастырь!
— Ну и что ж такого?
— Как что? Ведь я же год жил в нём. Год! — умилялся Янкель, но, заметив скептические усмешки товарищей, махнул рукой.
— Ну вас к чёрту. Если б вы понимали. Ведь мона-стырь. Кладбище, могилки. Хорошо. Кругом кресты.
— И покойнички, — добавил Япончик.
— И косточки, и черепушечки, — вторил ему, явно издеваясь над чувствительным Янкелем, Цыган и так разозлил парня, что тот плюнул и надулся.
Трамвай на повороте затормозил и стал.
— Приехали!..
— Ребята, разгружайте платформу. Поздно. Надо скорее закончить разгрузку! — кричала Эланлюм, но ребята и сами работали с небывалым рвением.
Им хотелось поскорее освободиться, чтобы успеть осмотреть свои новые владения.
Втайне уже носились в бритых казённых головах мечты о далёкой осени и о соблазнительной картошке со стрельнинских огородов, но первым желанием ребят было ознакомиться с окрестностями.
Однако из этого ничего не вышло. Весь вечер и часть ночи таскали воспитанники вещи и расставляли их по даче.
На рассвете распределили спальни и тут же сразу, расставив кое-как железные койки, завалились спать.
Дача оказалась славная. Её почти не коснулись ни время, ни разруха минувших лет. Правда, местные жители уже успели, как видно, не один раз навестить этот бывший графский или княжеский особняк, но удовольствовались почему-то двумя-тремя снятыми дверьми, оконными стёклами да парой медных ручек. Всё остальное было на месте, даже разбитое запылённое пианино по-прежнему украшало одну из комнат.
К новому месту шкидцы привыкли быстро. Дача стояла на возвышенности; с одной стороны проходило полотно ораниенбаумского трамвая, а с трёх сторон были парк и лес, видневшийся в долине.
Рядом находился пруд — самое оживлённое место летом. С утра до позднего вечера Шкида купалась. Иногда и ночью, когда жара особенно донимала и горячила молодые тела, ребята крадучись, на цыпочках шли на пруд и там окунались в тёплую, но свежую воду.
Викниксор и здесь попытался ввести систему. С первых же дней он установил расписание. Утром гимнастика на воздухе, до обеда уроки, после обеда купание, вольное время и вечером опять гимнастика.
Но из этого плана ничего не вышло.
Прежде всего провалилась гимнастика, так как на летнее время, в целях экономии, у шкидцев отобрали сапоги, а без сапог ребята отказывались делать гимнастику, ссылаясь на массу битых стёкол.
Уроки были, но то и дело к педагогам летели просьбы:
— Отпустите в уборную.

— Сидеть не могу.

Стоило парня отпустить, как он уже мчался к пруду, сбрасывал на ходу штаны и рубаху и купался долго, до самозабвения.

Лето, как листки отрывного календаря, летело день за днём, быстро-быстро.

Как-то в жаркий полдень, когда солнце невыносимо жгло и тело, и лицо, Янкель, Японец и Воробей, забрав с собой ведро воды, полезли на чердак обливаться.

Но на чердаке было душно. Ребята вылезли на крышу и здесь увидели загоравшую на вышке немку.

— А что, ребята? Не попробовать ли и нам загорать по Эллушкиному методу? А? — предложил Янкель.

— А давайте попробуем.

Ребята, довольные выдумкой, моментально разделись и улеглись загорать.

— А хорошо, — лениво пробормотал Воробей, ворочаясь с боку на бок.

— И верно, хорошо, — поддержали остальные.

Их примеру последовали другие, и скоро самым любимым занятием шкидцев стало загорать на вышке.

Приходили в жаркие дни и сразу разваливались на горячих листах железной крыши.

Скоро, однако, эти однообразные развлечения стали приедаться воспитанникам.

Надоело шляться с Верблюдычем по полям, слушать его восторженные лекции о незабудках, ловить лягушек и червяков, надоело тенями ходить из угла в угол по даче и даже купаться прискучило.

Всё больше и больше отлёживались на вышке. Младшие ещё находили себе забавы, лазили по деревьям, катались на трамвае, охотились с рогатками на ворон, но старшие ко всему потеряли интерес и жаждали нового.

Когда-то в городе, сидя за уроками, они предавались мечтам о тёплом лете, а теперь не знали, как убить время.

— Скучно, — лениво тянул Японец, переворачиваясь с боку на бок под жгучими лучами солнца.

— Скучно, — подтягивали в тон ему остальные. Всё чаще и чаще собирались на вышке старшие и ругали кого-то за скуку.

А солнце весело улыбалось с ярко-синего свода, раскаляло железную крышу и наполняло духотой, скукой и ленью притихшую дачу.

— Ску-учно, — безнадежно бубнил Японец.

...Вечерело. Сизыми хлопьями прорезали облачка красный диск солнца.

Начинало заметно темнеть. Со стороны леса потянуло сыростью и холодом.

Шкидцы сидели на вышке и, притихшие, ёжась от ветерка, слушали рассказы Косецкого о студенческой жизни.

— Бывало, вечерами такие попойки задавали, что небу жарко становилось. Соберёмся, помню; сперва песни разные поём, а потом на улицу...

Голос Косецкого от сырости глуховат. Он долго с увлечением рассказывает о фантастических дебошах, о любовных интрижках, о весёлых студенческих попойках. Шкидцы слушают жадно и только изредка прерывают речь воспитателя возгласами восхищения:

— Вот это здорово!

— Ай да ребята!

Сумерки сгустились. Внизу зазвенел колокольчик.

— Тьфу, чёрт, уже спать! — ворчит Воробей.

Ребята зашевелились. Косецкий тоже нехотя поднялся. Сегодня он дежурил и должен был идти в спальни укладывать воспитанников. Но спать никому не хотелось.

— Может, посидим ещё? — нерешительно предложил Янкель, но халдей запротестовал:

— Нет, нет, ребята! Нельзя! Витя нагрянет, мне попадёт! Идёмте в спальню. Только дайте закурить перед сном.

Ребята достали махорку, и, пока Косецкий свёртывал папиросу, они один за другим спускались вниз.

— Вы к нам заходите в спальню побеседовать, когда младших уложите, — предложил Громоносцев.

— Хорошо, забегу.

Уже внизу, в спальне, ребята, укладываясь, гуторили между собой:

— Вот это парень!..

Последнее время Косецкий особенно близко сошёлся со старшими. Они вместе курили, сплетничали про зава и его помощницу. Теперь ребята окончательно приняли в свою компанию своего Косецкого и даже не считали его за воспитателя.

Ночь наступила быстро. Скоро стало совсем темно, а ребята ещё лежали и тихо разговаривали. Косецкий, уложив малышей, пришёл скоро, сел на одну из кроватей, закурил и стал делиться с ребятами планами своей будущей работы.

— Вы, ребята, со мной не пропадёте. Мы будем работать дружно. Вот скоро я свяжусь с обсерваторией, так будем астрономию изучать.

— Бросьте! — лениво отмахнулся Японец.

— Что это бросьте? — удивился Косецкий.

— Да обсерваторию бросьте.

— Почему?

— Да всё равно ничего не сделаете, только так, плешь наводите. Уж вы нам много чего обещали.

— Ну и что ж? Что обещал, то и сделаю! Я не такой, чтобы врать. Сказал — пойдём, и пойдём. Это же интересно. Будем звёздное небо изучать, в телескопы посмотрим...

— Есть что-то хочется, — вдруг со вздохом проговорил всё время молчавший Янкель и, почему-то понюхав воздух, спросил Косецкого:

— А вы хотите, Афанасий Владимирович?

— Чего?

— Да шамать!

— Шамать-то... шамать... — Косецкий замялся. — Признаться, ребятки, я здорово хочу шамать. А что? Почему это ты спросил? — обратился он к Янкелю, но тот улынулся и неопределённо изрёк, обращаясь неизвестно к кому:

— И это жизнь! Хочешь угостить дорогого воспитателя плотным обедом — и нельзя.

— Почему? — оживился Косецкий.

— Собственно, угостить, пожалуй, можно... но... — робко пробормотал Японец.

— Но требуется некоторая ловкость рук и так далее, — закончил Янкель, глядя в потолок.

— Ах, вот в чём дело! — Косецкий понял. — А где же это?

— Что?

— Обед.

— Обед на кухне!

Потом вдруг все сразу оживились. Обступили плотной стеной Косецкого и наперебой посвящали его в свои планы.

— Поймите, остаются обеды... Марта их держит в духовой... Сегодня много осталось. Спальня сыта будет и вы подкормитесь. Всё равно до завтра прокиснет... А мы в два счёта, только вы у двери на стрёме постоитесь...

Косецкий слушал, трусливо улыбаясь, потом захохотал и хлопнул по плечу Громоносцева.

— Ах, черти! Ну, валите, согласен!

— Вот это да! Я же говорил, — захлёбывался Янкель от восторга, — я же говорил: вы не воспитатель, Афанасий Владимирович, а пройдоха первостатейный.

Налёт проводили организованно. Цыган, Японец и Янкель на цыпочках пробрались на кухню, а Косецкий прошёл по всем комнатам дачи и, вернувшись, лёгким свистом дал знать, что всё спокойно.

Тотчас все трое уже мчались в спальню, кто со сковородкой, кто с котлом.

Ели вместе из одного котла и тихо пересмеивались.

— Хе-хе! С добрым утром, Марта Петровна! За ваше здоровье!

— Хороший суп! Солидно посадили куфарочку нашу, — отдуваясь, проговорил Косецкий, а Воробышек, деловито оглядев посудину, изрёк:

— Порций двенадцать слопали.

Нести котлы обратно не хотелось, и лениво развалившийся после сытного обеда Косецкий посоветовал:

— Швырните в окно, под откос.

Так и сделали.

Сытость располагает к рассуждениям, и вот Янкель, кувырнувшись на кровати, нежно пропел:

— Кто бы мог подумать, что вы такой милый человек, Афанасий Владимирович, а я-то, мерзавец, помню, хотел вам чернил в карман налить.

— Ну вот. Разве можно такие гадости делать своему воспитателю? — улыбнулся благодушно Косецкий, но Япончик захохотал:

— Да какой же вы воспитатель?

— А как же? А кто же?

— Ладно! Бросьте арапа заправлять!

Косецкий обиделся.

— Ты, Еонин, не забывайся. Если я с вами обращаюсь по-товарищески, то это ещё не значит, что вы можете говорить всё, что вздумается.

Теперь захохотала вся спальня.

— Хо-хо-хо!

— Бросьте вы, Афанасий Владимирович. Воспитатель! Ха-ха-ха! Вот жук-то!

А Япошка уже разошёлся и, давясь от смеха, проговорил:

— Не лепи горбатого, Афоня. Да где же это видано, чтобы воспитатель на стрёме стоял, пока воспитанники воруют картошку с кухни! Хо-хо-хо!

Косецкий побледнел. И вдруг, подскочив к Японцу, схватил его за шиворот:

— Что ты сказал? Повтори!

Япошка, под общий хохот, бессильно барахтаясь, пробовал увильнуть:

— Да я ничего!..

— Что ты сказал? — шипел Косецкий, а спальня, принявшая сперва выходку воспитателя за шутку, теперь насторожилась.

— Что ты сказал?

— Больно! Отпустите! — прохрипел Японец, задыхаясь, и вдруг, обозлившись, уже рывкнул: — Пусти, говорю! Что сказал? Сказал правду! Воруешь с нами, так нечего загибаться, а то распрыгался, как блоха.

— Блоха? А-а-а! Так я блоха?.. Ну хорошо, я вам покажу же! Если вы не понимаете товарищеского отношения, я вам покажу!.. Молчать!

— Молчим-с, ваше сиятельство, — почтительно проговорил Громоносцев. — Мы всегда-с молчим-с, ваше сиятельство, где уж нам разговаривать...

— Молчать!!! — дико взревел халдей. — Я вам покажу, что я воспитатель, я заставлю вас говорить иначе. Немедленно спать, и чтобы ни слова, или обо всём будет доложено Викниксору!

Дверь хрястнула, и всё стихло.

Спальня придушенно хохотала, истеричный Японец, задыхаясь в подушке, не выдержал и, глухо всхлипывая, простонал:

— Ох! Не могу! Уморил Косецкий!

Вдруг дверь открылась и раздался голос халдея:

— Еонин, завтра без обеда.

— За что? — возмутился Японец.

— За разговоры в спальне.

Дверь опять закрылась. Теперь смеялась вся спальня, но без Еонина. Тому уже смешно не было.

Минут через пять, когда все успокоились, Цыган вдруг заговорил вполголоса:

— Ребята, Косецкий забузил, поэтому давайте переименуем его кличку: вместо графа Косецкого будем звать граф Кособузецкий!

— Громоносцев, без обеда завтра! — донеслось из-за двери и тотчас послышались удаляющиеся шаги.

— Сволочь. У дверей подслушивал!

— Ну и зараза!

— Сам ворует, а потом обижается, ишь гладкий какой, да ещё наказывает!

— Войну Кособузецкому! Войну!

Возмущение ребят не поддавалось описанию. Было непонятно, почему вдруг халдей возмутился, но ещё больше озлобило подслушивание у дверей.

Подслушивать даже среди воспитанников считалось подлостью, а тут вдруг подслушивает воспитатель.

— Ну, ладно же. Без обеда оставлять, да ещё легавить! Хорошо же. Попомнишь нас, Косецкий. Попомнишь, — грозился озлобленный Цыган.

Тут же состоялось экстренное совещание, на котором единогласно постановили: с утра поднять бузу во всей школе и затравить Косецкого.

— Попомнишь у нас! Попомнишь, Кособузецкий!..

Спальня заснула поздно, и, засыпая, добрый десяток голов выдумывал план мести халдею.